

быть освобожденной от советской власти, в целях упорядочения существующих земельных отношений и для предоставления местному населению возможности установления более или менее спокойного пользования наделенными и казенными землями, действия постановления Временного Сибирского Правительства от 25 июля 1918 г. об учреждении, выдающих земельными делами в Сибири, Совет Министров постановил распространить действие означенного постановления и дополнения к нему от 25 октября м. г. на территорию Европейской России по мере ее освобождения от советской власти, предоставив порядок и время введения в действие постановлений от 25 июля и от 25 октября 1918 г. распространить Министру Земледелия.

Ответственность за оскорбление Верховного Правительства.

Согласно представлению Министра Юстиции, Советом Министров принят закон об изъятии подсудности дел об оскорблении Верховного Правительства на словах, в письмах или печати, по которому преступные деяния, предусмотренные в ст. ст. 99, 100, 101 Угол. Улож. и 329 ст. Угол. о Наказ. Угол. и Исравит., временно подлежат рассмотрению в Военно-Окружном Суде, и прифронтовом Военно-Полевом Суде по принадлежности, а преступные деяния, предусмотренные в 103 ст. Угол. Улож., подлежат рассмотрению в Окружном Суде по месту совершения преступления.

Из газет.

„Наша Заря“ в день годовщины революции пишет:

Революция—болезнь, которая была неизбежна для России, как испику врачу неизбежно переболеть сыпным тифом, чтобы потом уже без боязни работать. Врачи со слабым сердцем гибнут. Россия перенесла тяжелейшую болезнь—революцию—болезнь, заразив им даже казалось бы застрахованный германский страдан. Страдания нашей родины были тяжки, самое ее существование висело на волоске и ей недруги злопыхательно уже пили ей отходную.

Но сердце России выдержало. Сознание народное перебарало и выкинуло вон из головы и сердца проклятую отраву большевизма и теперь мы твердо втроем—мы воскреснем. Мы уже воскресаем!

Пусть будет этот день второго года революции днем национального возрождения России, днем полного отката от бессмысленных мечтаний интернационализма. Пусть будет этот день днем нашего светлого воскресения для лучшей свободной жизни, в качестве сильного, свободного, равного всем государства в кругу прочих свободных братских государств Европы во всего мира.

„Заря“ о смерти М. И. Туган-Барановского.

Научные труды покойного очень рано дали молодому ученому всемирную известность. „Русская фабрика в прошлом и настоящем“, „Современный социализм“, „Периодические промышленные кризисы“, „Социальные основы кооперации“, „К лучшему будущему“, „Основы политической экономии“—сделались настольными книгами русского интеллигента.

С глубоким провидательным умом ученого аналитика покойный соединил высокое чувство гражданина, борца за идею, за свободу и талантливый лектор.

Это был ученый, рожденный не только для кабинетной работы. Нет, полем деятельности его беспокойной натуры—была вся жизнь во всех ее проявлениях. Нет вопроса общественной жизни, на который бы не откликнулся покойный.

Короткая жизнь его была целым периодом в истории русской экономической науки.

Его не стало. Короткая замечка не позволяет нам охарактеризовать

и тысячной доли заслуг покойного и перед русской наукой и перед русским обществом.

Литература в содеянии сложила эту сильную духом натуру.

Весеннее

Идет весна.

Может быть, эти строки увидят свет как раз в тот день, когда солнышко придет в голову вдруг спрятаться за тучи, но никого оно уж больше не обманет. В чем сердце не бурлит сейчас, не живет и не радуется она—весна?

Весна это то время, когда все страстно влюблены в солнце. Потом, летом, солнце надоедает, лишает нас энергии и бодрости, мы прячемся от него в тень, но весной—что может быть лучше ярко-солнечного, ослепительно светящего тротуара солнечной стороны, сплошь усыпанный спелыми, гуляющими, флиртующими людьми, людьми города весенней поры, единственной поры в жизни городских жителей, когда они вспоминают о природе, природе, живущей далеко за городскими стенами, природе, к которой течет широкая река, стремящаяся из города, в который с другого конца со своих верхов она так же принесла запах полей, прибрежных холмов и лесов.

Милая весна.

Самые счастливые и уравновешанные люди весною заражаются лирикой и обаянием природы. Весна—ежегодный праздник, но в этом году весна для нас особенно исключительна—радостна. Весна—это символ радости и надежды,—приобретает для нас сейчас особенный, даже, если хотите, символический смысл. Со страстным нетерпением ждали мы эту весну, весну окончательного возрождения России. Уже не одна тесна нас обманула, но эта—эти не обманет. Еще глубокие снега и трескучие морозы начали для нас пение освобождения и нового счастья, весна же призвана подхватить эту бодрую песню и на своих молодых крыльях бережно донести ее до равнинного сердца России—Москвы, занести ее во все уголки необъятной России—на Дон, на Украину, на Кавказ, в Петроград, в Ригу, в Смоленск и Нижний, чтобы песня эта прозвучала радостным гимном освобождения, гимном, который уже пропела наша Пермь, принимаясь за счастливую новую постройку.

Милая весна! Какая новья сокровища силы, плодотворного труда и животворного оптимизма несешь ты нам, нам, уставшим и возмущающимся, ты, молодая, сильная и светлая!

Конечно, всегда в воспоминаниях весны уязвимыми стихотворцами и изжатыми жаждающими славы дельцами, всегда много натажек, пафоса (а иногда и просто безграмотности) и неправды. Но право же наша весна, та весна, которую мы сейчас улавливаем, имеет полное удивительное право на провозглашение, скажем скромнее,—право быть живой! не только из за своих традиционных, ежегодных радостей, но и в силу тех причин, которые составляют именно ее силу, послужат источником, будем называть, именно ее гордости. Русский народ, в своем подавляющем большинстве, в силу всей совокупности причин своей исторической жизни, не успел отойти от жизни природы на столько, чтобы ее праздники перестать считать и своими праздниками. Весенний праздник природы в этом году знаменует для него не только близостью возрождения жизни полей. С весною умалится страдания защитников фронта, востановятся за бездельно тяжелой зиму, с весны фронт неминуемо быстро поплывет из Перми вглубь России. Весна этого года есть поименование праздника национально-политической. Сгинут морозы, облегчатся сообщения между городами, между тылом и фронтом, между селами и войсками. Какой-нибудь вдохновенный пламенный возглас или даже зараженный общим подъемом государственный деятель укажет еще на эту будущую

к нам весну, как на славный, божественный символ помощи национальному делу освобождения и возрождения. И он не будет неправ. С весною мы приобретаем могущественнейшего союзника, который окажет великую поддержку нашему делу и поддержи-

пит на новый труд наш дух. На нашу долю выпадает великое счастье действовать в союзе с природой, обновляясь и очищаясь в дни ее ежегодного оживления и пробуждения.

В. П.

МЕСТНАЯ ЖИЗНЬ

В зазв. чрезвычай. губер. земск. собрания.

(Впечатления).

27 марта. Обширный, высокий, с близкими стенами, зал земских собраний. Скамьи с высокими решетчатыми спинками полукругом обступили длинный стол президиума. Публика прибывает. Все чаще слышится: „извините“ и „позвольте пройти“. Около 40 человек представителей народа—через год безгласия опять гласные—почти все на мбетах. Демократическая наружность и костюмы. Поджаты и у многих четкие отвороты, все где борщики. Здесь вбегает советского „кожано-курточного“ любования собой. Она—хозяйка и готова уже „считать раны“ земского хозяйства, выискивать „прототипы и убытки“ от пролетариев всех ступеней, возглавляемая которыми Россия чуть не продолжала в трубу истории.

Начало. Вступительную речь произносит И. В. Севастьянов. Начинает, конечно, с них—этих героев—18 года. С первых же слов речи слышатся лютые, разрыв, аресты—негласный донос большевизма. Но земские работники влили, что власть не может выжить на штыках... Чехо—словаки. могучая сибирская армия... Работа земству предстоит большая.

Собрание в молчании почтительно вставанием память павших за спасение России. „Да здравствует избавительница Русская Армия!“ (Взрывный плакат аплодисментов). Собрание приступает к работе. В результате длинной процедуры подачи записок, возражений и контр возражений, опять записок, баллотировок, председателем собрания избирается гласный Лукин. Избрание замечательно откладывается собранием до 7 час. вечера. Вечером публички уже меньше. Президиум дозвонил—заместитель предс. Е. Н. Поляков, секретаря Соколов и Антонов. Председатель читает список земских работников, павших жертвой большевизма в его кровавый год. Их погубило больше 15.

Собрание почтительно вставанием память их. Отгадывая Ф. Я. Дьяков проект текста телеграммы, в которых собрание обращается к приверженцам к вождям, ведущим доблестную войну к побед и спасению России, и просит передать это приветствие всей армии. Собранием единогласно принят текст. По предложению Мухометова собрание постановляет послать приветствие гостям—скасиотам России—чехо-словакам. Доклад упрям, о разгроме и возобновлении деятельности земства читает Ф. Я. Дьяков. Собрание переходит к избранию представителей в комиссию земную, техническую, культурно-просветительную, земскую. Рассмотрена и утверждена программа подлежащих разрешению собрания вопросов (58) Завтра работа комиссии.

Г. С.—ров.

Приветственные телеграммы пермского губ. собрания.

Открывшимся 27-го марта пермским губернским земским собранием 65 чрезвычайной сессии отравлены следующие приветственные телеграммы.

Верховному Правительству

Адмиралу А. В. Колчаку.

„После годичного перерыва в работ, вызванного захватом власти большевиками, пермское губ. земск. собрание, созданное на 65 чрезвычайную сессию, снова возмужало свою деятельность. Исполненное чувства горячей благодарности к освободителям, хрипкой вбры в наступившем беззастенчивом возрождении родины и надежды на единое участие в этом великом деле всех слоев и групп народных, собрание приветствует в Вашем лице Верховного Коричаго Российского государственного корабля, шлет Вам и возглавляемому Вами правительству и правящим должностям скорейшего решения главных задач переживаемого исторического момента, полной победы над не признавшим народом самозванной диктаторской советской властью и созина Всероссийского Учредительного Собрания для определения дальнейших исторических судеб России“.

Командующему Сибирской Армии Генералу Гайду.

„48 Очередное Перм. Губ. Зем. Собрание, исполненное глубокой благодарности освобожденной губернии от высказанного большевизма, приветствует в Вашем лице добле-

стную армию, кровь которой лется за осуществление чаяний народных, и поздравляет ее с блестящими одержанными над врагом побед. Собрание ставит своей главной задачей в переживаемый момент всемерное восстановление и поддержку героическим войскам в совершаемом ими великом подвиге“.

Такая же приветственная телеграмма послана Земским Собранием Командиру 1-го Средне-Сибирского Корпуса Гв. Пепелеву.

Командиру 3-го Степного корпуса Генералу Вержицкому.

„Пермское Губернское Земское Собрание, возобновляя после годичного вынужденного перерыва свою работу, горячо приветствует в Вашем лице Ваши доблестные войска, освободившие Пермский Край от большевистского ига, и просит Вас принять и передать воинским частям Третьего Степного Корпуса поздравления с одержанными ими блестящими над врагом победами и чувство глубокой, искренней благодарности населения губернии, которое обязано своим освобождением возможностью, чрез возстановленные органы земских и городских самоуправлений, вновь начать свободное строительство местной жизни и оказать всемерную поддержку Армии в дальнейших ее трудах и подвигах в деле возрождения истерзанной и поруганной Родины“.

Отвѣт автору статьи: „Подумали-ли?“

У нас вошло в привычку смотреть на педагога, как на человека в футляре, и во всех недостатках школьной жизни обвинять только его одного. Теперь, оказывается, педагог виноват и в том, что вместо бесплатной школы мы имеем школу очень дорогую, доступную только богатым (см. № 54 „Свободной Перми“, статью „Подумали-ли?“). Автор названной статьи прямо обвиняет педагогов в том, что они „умышленно“ не принимают во внимание интересы родителей учащихся, отягчая их скудный карман непонятно высокой платой за обучение, установленной собранием представителей педагогических советов учебных заведений г. Перми в размере 150 руб. за полугодие в частных и 125 руб. в казенных гимназиях.

„После свержения советской власти, пишет автор статьи,—плата педагогическими советами была назначена 80 руб. и за одно полугодие, т. е. была увеличена вдвое. Не прошло и 2-х месяцев, как она сдвинулась еще скачек и превратилась из 160 руб. за год в 250 руб. Но, граждане,—спрашивает автор,—кто может поручиться после всего этого, что через некоторое время плата не поднимется еще?“

„Вместо облегчения путей к образованию,—читаем мы далее,—они (педагоги) их затрудняют, вместо расширения сферы его, увеличения количества учащихся, так сказ., демократизации школы, они создают школу только для богатых, закрывая доступ в нее малоимущим“.

Ну-с, человек в футляре, что ты на это скажешь? Не посоветуешь ли ты пылкому автору статьи несколько поосторожнее обращаться с некоторыми фактами?..

Дело то в том, гражданин автор, что, после изгнания большевиков из Перми, первоначально плату за учение установили не педагогические советы, а общее собрание родителей всех средних учебных заведений города, на которое возмужавали (замышляли, как говорится, в сторону) человек 60—70 и установили они ее не в 80 руб. за полугодие, а было постановлено изнать 80 руб. в счет платы за учение, размер же платы вообще собранием родителей фиксирован не был. Педагогические же советы только присоединились к постановлению общего собрания родителей. Видь это, надпись, несколько мбляет дело, не правда-ли? Но пойдём далее.

В своей статье автор почему то упоминает, правда, одной только фразкой, то блаженное время (при большевиках), когда платы за учение совсем не существовало, но... не позволяю себе назвать эту маленькую вопросик: а существовало-ли тогда учение, да, статья, и сама школа?

Но суть дела не в этом. Желая больше всего порадовать то, что автор статьи, по-видимому, еще не отпустил, как сказано, от

сладких грез, не протер глаза, он все еще витает в „счастливой сонде“. Иначе чем можно объяснить серьезность его тона, когда он в своей статье мечтает о бесплатности обучения и прочих штуках „социалистического рая“? Нет, это прямо удивительно—до какой степени мы, русские, Мавловы!

Да неужели в настоящий момент на дымящихся развалинах государственной, всеобщего экономического и культурного образования и разрушения, можно наивно предполагать найти счастливый оазис, изобильный общей участи? Да стоит только пойти и любое учебное заведение, как глазами предстанет картина разрушения, на восстановление которого потребуются годы напряженного труда и масса средств. Неужели можно вбры в скорое наступление такого „благорастворения воздуха“, которое позволило бы нам хотя бы на волос подвинуться к осуществлению идеи бесплатности обучения, или хотя бы к минимальному напряжению платящих сил населения? Нет, нужно глядеть смелю действительности в глаза и в ра уразуметь ту истину, что только мы сами, принеся жертвы, путем страшного напряжения всех сил, сможем остановить разложение государства.

Наша очередная задача сохранить и поддержать то, что еще уцелело, и в строительстве нового исходить из самых скромных, достижимых возможностей, а не ловить синюю птицу.

Таковы были мысли человека в футляре, когда он, скривя сердце, высказывался в своих педагогических советах за повышение платы за учение.

Автор статьи советует педагогам попросить обратиться за помощью к городу и земству. Он полагает, что педагогические советы, как, впрочем, и полагаются организациям, „далеким от жизни“, не использовали ни одной возможности, ни одного выхода „из тупика“, а просто набросались с неимоверной жадностью на родительские карманы.

Все это уже использовано, министерство, город, земства завалены просьбами о помощи и, если вы читаете газеты, то, вероятно, замыслили, какие суммы отпускаются учебным заведениям (идея, на нет и суда нет!).

Человком в футляре мучительно ищутся и другие выходы из создавшегося катастрофического положения школы и его самого: так педагоги принимают живейшее участие в устройстве вечеров, концертов и проч. в пользу недостаточных учащихся, но, к сожалению, они в этой борьбе за школу почти одиноки, т. к. родительские организации, „наиболее близко стоящие к жизни школы“, „больше жизненные“ и „более чуткие“, что то весьма слабо проявляют эту „жизненность“ и „чуткость“.

Будем вместе с автором статьи надеяться, что укол в самое чувствительное место заставит общество принять и с своей стороны героический мбры для спасения школы, а не ограничиваться только отмыканием козла отпущенной.

Человек в футляре.

Пасея в Крестопоклонную недвлю.

В прошлый четверг очередная пасея была совершена архиерейским служением в городской Славской церкви. Храм был переполнен молящимися из разных слоев пермского общества. Посреди церкви под освещенным паникалом стояло большое Распятие, украшенное цветами и развешенными огнями. Его окружало духовенство во главе с епископом Борисом в черном облачении и с зажженными свечами. Молчаливо стояли тоже с зажженными свечами. Печально торжественно совершался чин страстей Господних. Писнописная страстная четвергя сближалась чтением евангельского повествования о страданиях Христа и все это закончилось проповедью настоятеля храма и доподлинно сказанными словами проповеднического Бориса. Прововедия, подобно выяснив воспитательное значение страданий и в частности событий последнего времени, призвал всех к подвигу Креста и к тому, чтобы в своей жизни, в своем поведении, в своем отношении к окружающим, в своем отношении к Богу, в своем отношении к Родине и к Православию, без которой не может существовать никакое государство. После этого молящиеся прикладывались к Распятию

страдает и кто грустит⁴.
С. Б.

ачного пароходного Товарищества
пошлины Пермской Городской Биржи,
1 Е г.г. членов пайщиков для рассмотрения
просит г.г. пайщиков дробить на такое.